

ДВА БУРЛАКА И ШТИРЛИЦ

Дует Лев Гулько — Константин Кравинский выделяется даже на «звездном» фоне ведущих радиостанции «Эхо Мос-

Как «обаятельный изгнанник» стал «русским нахалом»

Джудит УОРНЕР

«НЬЮСВИК», НЬЮ-ЙОРК

НИЧТО во Франции не бывает таким мучительным, как успех. Андрей Макин испытал это на собственной шкуре. В 1995 году он, родившийся в России, вошел в историю французской литературы, когда его роман «Французское завещание» стал первой книгой, получившей обе высшие литературные награды Франции — Гонкуровскую премию и премию Медичи. Этот автобиографический роман, представляющий собой беседы автора со своей бабушкой-франуженкой о жизни, получил восторженный прием, был расценен как самая захватывающая после «Поисков утраченного времени» Марселя Пруста ода памяти. Андрей Макин стал самым последним открытием Франции: обаятельный изгнанник, до того охладивший к родному русскому языку, что пишет свои романы на французском. Художник настолько одержимый стремлением добиться успеха и быть изданным, что отказывал себе во всем, даже спал на садовых скамейках, долгие годы страдал от унизительных отказов со стороны парижских издателей — и переводил свои рукописи на русский, лишь бы они выглядели более «подлинными».

Но вот когда Макин стал не только обладателем всех крупнейших французских наград, но и автором бестселлеров, посыпались настоящие неприятности. Одно дело зажить лучше после долгих лет лишения, когда перебиваешься хлебом и сыром. Это где-то даже романтично. Совсем другое дело, когда твоя книга, такая, как «Завещание», расходится во Франции тиражом почти в миллион экземпляров, да еще полмиллиона за границей на 29 языках. Купить приличную квартиру на Монмартре и загородный дом на юго-западе Франции — уже несерьезно. А для иностранца к тому же просто нескромно. Посему французский литературный истеблишмент позаботился о том, чтобы осадить русского нахала. Макина начали сравнивать с цветными иммигрантами, обвиняли в нелегальном въезде в страну. Он все равно что «безработный, выигравший в лотерею», заявил в этом году один критик. «Они даже утверждали, что за меня писал «литературный негр», — вспоминает 41-летний Макин, прихлебывая кофе в своем излюбленном кафе «Метро», выходящем на един-

ственную неуютную площадь претенциозного Монмартра.

Сегодня Андрей Макин напоминает разбуженного и поднятого из берлоги медведя. Недавно в США вышел в английском переводе его второй роман, «Однажды на реке Любовь», вновь получивший восторженную критику. Ему больше уже не приходится учить русскому языку чванливых студентов престижного Национального института политических наук в Париже. Он отдает все свое время писательству, работает над новым автобиографическим романом о своей юности в брежневском Советском Союзе.

Макин не желает распространяться о новой книге, ну разве только несколько слов: она о том, что значит быть «одним из последнего советского поколения». И совсем не хочет говорить о своей прежней жизни. Никогда не рассказывает, кто его родители, как они жили, почему в конце концов уехали из России. Упоминает лишь, что рос в Новгороде, в детстве летом ездил в Сибирь, где бабушка Шарлотта приобщила его к волшебному творчеству Бодлера, Бальзака и Флобера. Продолжил он свое образование в Новгородском и Московском университетах, потом публиковал статьи о творчестве французских писателей в литературных обозрениях. В 1987 году он уехал из России и обосновался в Париже. Началась перестройка, а вместе с ней, по словам Макина, погоня за долларами, приведшая к раздирающему ныне Россию хаосу. «Всякий раз, когда Россия копирует Запад, она терпит неудачу, — говорит он. — Я все меньше и меньше понимаю эту страну».

После неоднократных отказов французского министерства внутренних дел (и только благодаря личной просьбе президента Жака Ширака) Макин наконец становится гражданином Франции. Однако он уже понял, что французские писатели и интеллектуалы совсем не боги, какими он их представлял себе в юности. Это люди, соперничающие за время в телеэфире и жалующиеся на высокие налоги и низкие гонорары. «Здесь все мелко и ничтожно. Французы так мелкобуржуазны», — замечает Макин. Французскую литературу, по его словам, убили эгоцентризм и бездуховность. «Если что исчезло, так это в первую очередь красота, богатство красок, — говорит он. — Франция похожа на расплывшийся небоскреб».

Присущая Андрею Макину бездомность — эта его неспособность обрести благополучие в своей стране и в свое время — порождает произведения, выходящие за рамки времени и места. Вот почему его книги — своего рода буйство образности...

Хвы:

они отлично «спелись», несмотря на то, что Лев — профессионал по охране окружающей среды, а Костя — театраль- ный актер (правда, неравно все — так ради- ольно и Театра на Малой Бронной, где прослушал 13 лет, ушел)...

ДВА БУРЛАКА И ШТИРЛИЦ

Метро. — 1998 — 18 янв. — с. 1, 3

ДУЭТ ЛЕВ ГУЛЬКО — КОНСТАНТИН КРАВИНСКИЙ ВЫДЕЛЯЕТСЯ ДАЖЕ НА «ЗВЕЗДНОМ» ФОНЕ ВЕДУЩИХ РАДИОСТАНЦИИ «ЭХО МОСКВЫ»

Каждый эфир Льва Гулько и Константина Кравинского — настоящий мини-театр, будь то разговор о серьезной прессе или «Игра без правил». У каждой программы есть и свои, придуманные ведущими, «герои» — бурлаки Аким и дядька Влас, Штирлиц и Шерлок Холмс.

Окончание. Начало на стр. 1

— В «активе» у вас — множество программ, «долгожитель» среди них — передача о прессе «Печатный пряник». Кстати, раньше она называлась «Акулы пера»?

Лев: — Потом ее «срисовали» у нас телевизионщики, и мы сменили название. «Пряник», то бишь «Акулы» была первая программа, в которую я попал, придя работать на радиостанцию пять лет назад. Прошел собеседование, меня посадили к микрофону и говорят: «Давай, через 5 минут — эфир». Что тогда было — не помню, полный провал. Долгое время мне даже снился один и тот же страшный сон: я должен выходить в эфир, а передо мной абсолютно пустой стол, микрофон и — полная темнота кругом...

Константин: — Зато сейчас программа настолько «обкатана», что когда я шел на эфир в первый раз, и мы со Львом застряли в лифте и появились под самым занавесом, в прямом смысле на ходу комментируя последние фразы гостей, никто не понял, что нас в студии не было!

— Как вы начали работать вместе?

Л.: — Сперва сталкивались в редакционном коридоре, переглядывались...

К.: — Скажи еще, перемигивались... Просто в какой-то момент мы поняли, что вдвоем у нас будет получаться вдесятеро лучше. Теперь я — зав. базой, Лев — бригадир.

Л.: — Кстати, с одной нашей радиослушательницей — судя по голосу, девочкой-школьницей, я довольно долго общался в прямом эфире на «ты». Спасибо, говорю, Маечка, а сколько тебе лет? 72 — отвечает... Вот вам и голос... А вообще звонков всегда очень много, причем хочу подчеркнуть, что мы, действительно, в отличие от других станций и телеканалов, никогда не отслушиваем их предварительно — это принцип. Наша радиостанция дает возможность всем высказать свою точку зрения — и любому слушателю, и любому политику — будь то Зюганов или Чубайс.

— Ваша идея — кулинарная игра по средам с Ксенией Лариной? Просто заслушаетесь: до чего ж смачно вы поедаете очередные деликатесы!

Л.: — Это все Костя, я в это время сижу за пультом, так что руки не дотягиваются. А ему всегда везет! Мастер поесть!

К.: — Положим, не мастер, а профессионал. К примеру, как поступит, когда приходит в прямую эфир директор шикарного французского ресторана и приносит не деликатесы, банальную «нарезку», а я-то должен ее есть и в живую описывать «процесс»? Разозлился я и так расфантажировался, давась кусочком сухой ветчины, что после эфира полпредакция просило телефончик того ресторана, чтоб непременно сходить! Еле отговорил.

— Экстремальные ситуации были?

К.: — Прямой эфир. Поджигаю коктейль. Вдруг — стук в окно, а студия на 10 этаже одной из арбатских высоток-«книжек». За окном — двое пожарных в люльке, стучат и пальчиком грозят. Вот, думаю, какая оперативность: только я объявляю в эфир, что коктейль зажигаю, а они уже тут как тут!

Л.: — Просто у пожарных в этот день были плановые учения.

Дует ведущих радиостанции «Эхо Москвы» Лев Гулько — Константин Кравинский по вечерам выступает в эфире трио со Светланой Сорокиной.

— Самореклама на «Эхе...» — ваша работа?

К.: — Точнее, нашей команды — это в основном актеры. Помогает то, что мы по жизни друзья. И понимаем друг друга с полуслова.

— У ваших программ огромная аудитория, и, судя по почте на «Эхе...», очень благодарная...

К.: — Да, девушки узнают...

Л.: — ...ага, только по голосу!

— Что любите делать в свободное от эфира время?

Л.: — Гуляем по Новоарбатскому гастроному, он на первом этаже нашего здания. Размышляем о смысле жизни и творчества.

К.: — Нет, размышляем, гуляем... Далее по тексту.

— Хобби?

Л.: — Работа — потому что мы в эфире практически ежедневно.

К.: — Честно? Вот последние полчаса я все думаю, какой плов приготовлю. Если, конечно, закончу работу до полуночи...

— Кажется, я начинаю догадываться, кто ваш любимый писатель, кроме Эпикура, разумеется...

Хором:

Л.: — Ильф...

К.: — Петров.

— Девиз?

Хором:

— Не дождетесь!

— Представьте, что в вашей жизни не появилось бы «Эхо Москвы»...

Л.: — Не представляю!

К.: — Очень даже представляю! Торговал бы китайскими пуховиками в Лужниках...

Марина ШИЛИНА

За рубежом. — 1998, — 20-26 нояб. — с. 15